

История

Консульства Маньчжоу-го в России. Из истории советско-японско-китайских отношений в 1931—1945 гг.

© 2013

В. Дацышен

В статье рассматриваются проблемы открытия и функционирования консульских учреждений Маньчжоу-го в Советском Союзе. На примере консульств в Благовещенске и Чите демонстрируются сложности и противоречия в советско-японско-китайских отношениях 1930-х – первой половины 1940-х гг.

Ключевые слова: Маньчжоу-го, советско-японско-китайские отношения, Вторая мировая война, консульства в Благовещенске и Чите.

В начале 1930-х гг. на восточных границах Советского Союза по инициативе наиболее агрессивных кругов в руководстве Японской империи было образовано государство Маньчжоу-го. Хотя это государство и не было признано мировым сообществом, но его существование стало реальность, с которой соседи, в том числе и СССР, не могли не считаться. Советское правительство, справедливо считая, что Маньчжоу-го не обладало никаким суверенитетом, не пошло на официальное признание этого государства, но, по причине тесных экономических, политических и культурных связей с Маньчжурией де-факто установило отношения с властями Маньчжоу-го через консульские учреждения.

Отправной точкой истории Маньчжоу-го стал так называемый «инцидент 18 сентября 1931 г.», когда после взрыва на принадлежавшей японцам железной дороге в районе Мукдена (Шэньян), японцы начали захват Маньчжурии. Организованное японцами «Всеманьчжурское совещание» в начале марта 1932 г. провозгласило создание марионеточного государства Маньчжоу-го. Большинство местных китайских чиновников и генералов, возможно формально, но признали новое государство. Нанкинское же правительство не стало защищать этот регион, а обратилось к другим странам, в том числе и к СССР за поддержкой, надеясь, что мировое сообщество заставит Японию вернуть Маньчжурию Китайской Республике.

Японская агрессия в Маньчжурии напрямую затрагивала интересы Советского Союза, разрушала только что восстановленный баланс сил и интересов в регионе. Уже на следующий день после «инцидента 18 сентября 1931 г.» состоялась первая встреча заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана с недавно прибывшим в Моск-

ву японским послом Хирота Коки. Советская дипломатия в силу ряда причин не имела возможности оперативно отреагировать на события в Маньчжурии, и 20 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) пришло к заключению «отложить принятие решения о дипломатических шагах в связи с оккупацией японскими войсками Южной Маньчжурии»¹. 21 сентября 1931 г. Л.М. Каганович писал И.В. Сталину: «2) Слушали сообщение о японо-китайских делах. Были предложения особенно со стороны Литвинова выступить с официальным запросом и взять в печати резкий тон в отношении Японии. Так как в нашем распоряжении были крайне ограниченные сведения, мы не приняли никаких решений. Мы исходили из того, что обстановка требует от нас осторожности и выдержки»². 22 сентября из Москвы в Хабаровск было направлено предписание: «не допускать никаких демонстраций или выступлений в связи с событиями в Маньчжурии»³.

Несмотря на давление Китайской Республики, СССР не пошел на конфликт. Советское руководство вынуждено было считаться со сложившимися реалиями, выстраивать отношения с реально существовавшей властью в приграничных регионах Китая. 23 сентября 1931 г. И.В. Сталин написал: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас нецелесообразно... Запросить японцев, чтобы они держали нас в курсе событий, конечно, следует, но одновременно нужно запросить китайцев, хотя бы через Харбин... В печати надо вести себя так, чтобы не было никаких сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть «Правда» ругает всю японских оккупантов, Лигу Наций, как орудие войны... «Известия» должны вести ту же линию, но в умеренном и архисторожном тоне...»⁴.

Не все в советском руководстве соглашались такой позицией. 26 сентября 1931 г. Л.М. Каганович писал И.В. Сталину: «Прочтите, пожалуйста, в «Известиях» от 23-го стихотворение Демьяна Бедного, по-моему, там есть прямой выпад против нашей политики, он говорит... “Всегда готовая к отпору, молчит загадочно Москва” и т. д. Оказывается, что Литвинов, который в ПБ требовал нашего активного вмешательства, дал визу на печатание этого стихотворения Демьяна»⁵. Однако М.М. Литвинову не удалось убедить высшее руководство СССР в необходимости активных действий против японской агрессии в Маньчжурии. Более того, в 1932 г. во всех конфликтных ситуациях, таких как нарушение японцами советского воздушного пространства или захват советского судна, И.В. Сталин и его ближайшие соратники проявляли осторожность, заставляли советских дипломатов и военачальников проявлять сдержанность. Советское руководство боялось спровоцировать какой-либо конфликт с Японией. Например, 2 июля 1932 г. И.В. Сталин писал: «Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии. Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает новую опасность провокации конфликта с Японией... примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра...»⁶.

Нейтралитет Советского Союза по поводу конфликта в Маньчжурии, осторожность в отношении Японии, были во многом обусловлены неурегулированностью отношений с Китайской Республикой. После завершения вооруженного конфликта 1929 г. именно Нанкинское правительство всячески затягивало процесс восстановления дипломатических отношений и урегулирования проблем КВЖД. Несмотря на отсутствие дипломатических отношений, деятельность китайских консульств в приграничных с Северо-Восточным Китаем российских регионах была восстановлена уже в 1930 г. Но отношения между консульскими представителями и местными властями в Забайкалье и на Дальнем Востоке оставались напряженными и сопровождалась постоянными конфликтами⁷. В этом находили свое отражение сохранявшиеся противоречия в русско-китайских отношениях.

После создания Маньчжоу-го сложилась ситуация, когда китайские консульства должны были заниматься вопросами миграции и пограничного сотрудничества с теми

районами, которые полностью вышли из-под власти представляемого ими правительства. Более того, консульские учреждения Нанкинского правительства стали орудием политического давления на Москву с целью втянуть Советский Союз в противостояние с Японией. В письме советского генконсула в Харбине М.М. Славущего начальнику Дипломатического управления провинции Гири (Цилинь) Ши Люйбэню от 6 апреля 1932 г. говорилось: «Честь имею довести до Вашего сведения для срочного сообщения г. Се Цзешу, что ввиду подозрительного поведения китайского консула в Благовещенске, могущего испортить отношения между Союзом ССР и Маньчжурией, мы советуем заметить его другим лицом»⁸.

В 1932 г. возник вопрос о необходимости создания в приграничных с Маньчжурией регионах представительств той власти, которая реально управляла Северо-Восточным Китаем. В «Календаре событий» за 1932 г., подготовленном «Информационным бюро Генерального Консульства СССР в Харбине», отмечалось: «"Бин-цзян-ши-бао" печатает телеграмму из Чанчуня о том, что центральное правительство решило приказывать харбинскому особому агенту МИД известить Генконсула СССР в Харбине о том, что правительство Маньчжоу-го безусловно не признает всех китайских консулов в СССР... до того времени, пока в СССР еще не учреждены консульства Маньчжоу-го, необходимо придерживаться временных правил... лица, желающие въехать в Маньчжоу-го, должны сначала через Харбинского Генконсула известить об этом Харбинского Особого Агента МИД, который, в свою очередь, передает дело Министерству Внутренних Дел Маньчжоу-го...»⁹. Таким образом, отсутствие консульских учреждений вновь провозглашенного государства Маньчжоу-го сильно затруднило взаимодействие с регионом, где имелись не только экономические интересы Советского Союза, но и работали тысячи советских граждан, постоянно проживали сотни тысяч русских, имевшая совместная собственность.

Советское правительство было заинтересовано в скорейшей нормализации взаимоотношений с Маньчжурией и готово было идти на уступки Японии, с которой во второй половине 1920-х гг. сложились относительно стабильные и взаимовыгодные отношения. Харбинская газета «Русское Слово» 29 мая 1932 г. писала: «По сообщению из Синьцзина, начальник канцелярии общих дел кабинета министров Маньчжу-Го г. Камай в беседе с представителями прессы, касаясь вопроса отношений Маньчжу-Го с СССР, сказал следующее: "СССР высказывает пожелание, чтобы в важнейших городах территории СССР открылись консульства Маньчжу-Го, а параллельно с этим СССР выявляет отношение к Маньчжу-Го с полным пониманием и даже выражает свое согласие на назначение в качестве вице-консулов Маньчжу-Го лиц японской национальности. Ввиду столь дружественного отношения со стороны СССР к Маньчжу-Го, правительство Маньчжу-Го намерено и по отношению вопросов о Квжд сохранять прежние правовые отношения, и вообще прилагать свои усилия к укреплению взаимной дружбы. В ближайшем будущем из Маньчжу-Го будут командированы свои консулы в Благовещенск, Читу и Владивосток»¹⁰.

В июле 1932 г. М.М. Славущий писал о встрече с генконсулом Японии в Харбине Охаси Тиюти: «Я ответил... не помешало нам лишить китконсула в Благовещенске права шифропереписки и просить маньчжурские власти о посылке своего консула. Кстати, я спросил Охаси, когда новый консул будет послан...»¹¹. Таким образом, СССР выступил инициатором отправки новыми властями Маньчжурии своего консула в Благовещенск. Правда, говорить, что Советское руководство приглашало именно представителя государства Маньчжоу-го, оснований недостаточно. Конфликтная ситуация была вызвана тем, что китайский консул в Благовещенске, пользуясь правом шифрованной телеграфной переписки, отправлял в другие страны телеграммы китайского генерала Ма Чжаньшаня, который сначала участвовал в создании Маньчжоу-го, потом вы-

ступил против японцев. Подняв восстание 7 апреля 1932 г., этот Хэйлунцзянский генерал-губернатор в Хэйхэ объявил о своей независимости от властей Маньчжоу-го. У советского руководства были опасения по поводу возможности скоординированных действий Ма Чжаньшаня, китайского консула в Благовещенске и японских военных. 14 апреля 1932 г. заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан сообщал полпреду в Японии А.А. Трояновскому: «По всей вероятности, Ма действует по соглашению с японцами или по директиве Чжан Сюэ-ляна, чтобы дать пододвинуться японским войскам к границам СССР»¹².

Новое непризнанное государство Маньчжоу-го и его японские покровители хотели скорейшего признания со стороны других стран и в первую очередь – СССР. Кроме того, в пограничных регионах было достаточно вопросов и проблем, решение которых требовало специальных представителей. Власти Маньчжоу-го с первых дней своего существования подняли вопрос об отправке своих официальных представителей в Советский Союз. 7 июня 1932 г. Л.М. Каганович писал И.В. Сталину: «От Славущкого получена телеграмма, в которой он сообщает, что Охаша от имени Манчжуга настаивает повторно на признании нами Маньчжурского правительства. Эта настойчивость довольно подозрительна, так как сам Охаша принадлежит к группе фашистов... Сайто дал как раз противоположные директивы своим представителям в Маньчжурии, он им предлагает не форсировать этого вопроса, ибо признание нами Манчжуга до того, как они (японцы) это сделают сами, осложнит обстановку»¹³.

Не получив согласие со стороны Москвы на официальное признание Маньчжоу-го, японцы усилили давление по вопросу скорейшего открытия маньчжурских консульств в СССР. В «Календаре событий» «Информационного бюро Генерального Консульства СССР в Харбине» говорилось: «18 августа «Харбин-гун-бао» следующим образом передает свидание между Ши Люй-бэнем и Славущким. Третьего дня Ши Люй-бэнь посетил Генконсула СССР в Харбине Славущкого, лично передав две важные ноты... Вторая нота касается вопроса о ныне проживающих в СССР консулах. В виду того, что эти консулы, ныне проживающие в СССР, посланы Нанкинским правительством, Маньчжоуго не может признать их, как дипломатических представителей Маньчжоуго»¹⁴. И стороны без большого труда смогли договориться об открытии консульств Маньчжоу-го в Благовещенске и Чите. М.М. Славущкий сообщил в Москву, что Маньчжоу-го наметило консулом в Благовещенск бывшего секретаря дипломатического комиссара в Харбине Куй Хунчи, а вице-консулом – сотрудника японской военной миссии в Харбине Йошизу Коиши¹⁵. Заместитель уполномоченного МИД Маньчжоу-го в Харбине Сугихара Тиунэ беспокоился, согласятся ли с этим назначением советские руководители. Но отвода не последовало.

В подготовленном «Информационным Бюро Генерального Консульства СССР в Харбине» «Календаре событий» было зафиксировано: «2 сентября «Ангазта» сообщает: Особый агент Министерства иностранных дел в Сев. Маньчжурии Ши Люй-бэнь сообщил представителям прессы, что в ближайшее время в Благовещенск выезжает маньчжурский консул Гуй Хун-чи и вице-консул Йошизу»¹⁶; «3 сент. «Маньчжурия Дэйли Ньюс» говорит, что вопрос об открытии консульства Маньчжоуго в Благовещенске зашедший в тупик, вследствие инцидента с харбинской перевалкой, однако в настоящее время благополучно разрешен. Новый маньчжурский консул в ближайшие дни прибудет в Чанчунь для получения официального назначения и выедет к своему новому посту через Корею»¹⁷. Действительно, 5 сентября 1932 г., как сообщали маньчжурские газеты: «в Благовещенск выехали первый консул Маньчжоуго за границей Гуй Хун-чи и вице-консул Йошида»¹⁸. Таким образом, первым консулом Маньчжоу-го в СССР стал известный китайский дипломат Куй Хунчи, уже работавший в начале 1920-х гг. консулом Китайской Республики в Хабаровске.

Власти созданного японскими военными и никем не признанного государства Маньчжоу-го посчитали, что открытие консульского учреждения можно расценить в качестве официального признания этого государства. 22 сентября 1932 г. газета «Маньчжоу-бао» напечатала заявление Куй Хунчи: «На этот раз открытие консульства является предложением рабоче-крестьянской стороны, поэтому фактически уже имеется признание. Наше государство в дальнейшем решило открыть консульства во Владивостоке и других местах. В настоящее время производится подбор личного состава»¹⁹. В подборке материалов ОГПУ от 22 сентября 1932 г. говорилось: «"Харбинское Время" сообщает: — в Харбин прибыл Тов. МИД Охаши специально для свидания с Совпредами для переговоров... "Ренго" пишет — поездке придают важное значение в осведомленных кругах, тесно связывают с быстрым темпом развивающегося вопроса с признанием СССР. Новый Горголова Люйжунхуань в речи на банкете, опубликованной в прессе, заявил — обмен консулами с СССР означает фактическое признание и, несомненно, в ближайшем будущем, последует юридическое»²⁰. 26 сентября 1932 г. одна из японских газет дала следующую информацию: «Согласно поступившей в японское Министерство иностранных дел информации от посла Хирота, Советское правительство по отношению к Маньчжоуго по прежнему придерживается благосклонной позиции и санкционирует нахождение на территории СССР консулов Маньчжоуго, причем Советское правительство высказывается, что если правительство Маньчжоуго пожелает, то может открыть свое консульство и в Москве. Однако, что касается вопроса об официальном признании Советским Союзом Маньчжоуго... то необходимо тщательное обдумывание этого шага...»²¹.

Прием консулов Маньчжоу-го в условиях нормализации советско-китайских отношений не мог не вызвать противоречий и конфликтных ситуаций. Осенью 1932 г. фактический руководитель представительства МИД Маньчжоу-го в Харбине Сугихара Тиунэ на встрече с М.М. Славущим потребовал удаления китайских консулов из городов советского Дальнего Востока, в первую очередь из Благовещенска. Ярким примером стал так называемый «Инцидент с Благовещенским консулом». Информационное бюро Генерального Консульства СССР в Харбине передавало в 1932 г.: «"Харбин Гун-бао" от IX-32 г. сообщает, что Сугихара на вопрос о том, был ли заявлен протест по вопросу об инциденте с маньчжурским консулом в Благовещенске, ответил, что согласно донесению генконсула Гуй Хун-чи, в связи с нехорошим отношением со стороны советских властей, работа испытывает чрезвычайные затруднения. "Маньчжурское консульство в Благовещенске помещается на одной и той же улице с китайским консульством. Кроме того, противоположный берег Благовещенска — Сахалин является источником планов мятежных сил. Поэтому наше консульство в Благовещенске испытывает чрезвычайные затруднения в работе". Получив это известие, мы немедленно заявили протест Генконсулу СССР в Харбине Славущему. В своем ответе Славущий заявил, что он уже передал наш протест правительству. Ответной телеграммы еще не получено... На вопрос корреспондента о том, что слышно относительно открытия консульств Маньчжоуго во всех пунктах Дальнего Востока, Сугихара ответил, что этот вопрос временно замедляется осуществлением в связи с теми затруднениями в работе, которые испытало наше консульство в Благовещенске, с другой стороны, если наша страна будет иметь консульство только в Благовещенске, то это создаст затруднения и для советских граждан, желающих въехать в пределы Маньчжоу-го...»²².

Советский Союз не признал маньчжоугоских претензий на монопольное представительство, что затормозило процесс открытия новых консульств. Как отмечается в документах: «6 ноября. "Го-цзи-се-бао" со слов "Харбин Симбун" пишет, что ответная телеграмма Москвы по вопросу о благовещенском инциденте гласит следующим образом: "СССР дал свое согласие на посылку Маньчжоуго консула... Что касается того, находится ли в Благовещенске старому консулу, то СССР не считает, что имеется необходимость вмешательства со стороны Маньчжоуго". Канцелярия особого агента МИД ре-

шительно протестует против этого. В дальнейшем, в случае необходимости, возможно, произойдет отзыв консула»²³.

Консульства Китайской Республики в приграничных с Маньчжоу-го регионах резко сократили объемы работы, следствием чего было и сведение до минимума их штатной численности. Но советское руководство не стало ставить вопроса об их закрытии по целому ряду причин. Кроме демонстрации поддержки Нанкинского правительства, Москва за счет этих консульств планировала расширить свою консульскую сеть в Китае. В протоколе заседания Политбюро от 10 декабря 1932 г. было записано: «1. В случае возобновления со стороны Китая предложения о заключении пакта о ненападении ответить, что этот вопрос может быть разрешен после фактического восстановления отношений в дипломатическом порядке... До общего соглашения о консульской сети потребовать теперь же разрешения открытия советских консульств в Шанхае, Пекине, Калгане... мотивируя существованием уже в СССР китайских консульств во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске и Чите»²⁴.

Советско-японские осложнения по «консульскому вопросу» в конце 1932 г. по времени совпали с конфликтной ситуацией, сложившейся при отступлении китайской армии Су Бинвэня²⁵. Япония не пошла на развитие конфликта, власти Маньчжоу-го не стали отзывать своего консула из Благовещенска. Более того, в начале 1933 г. было открыто консульство в Чите, где также продолжало функционировать консульство Китайской Республики. Из советского генконсульства в Харбине сообщали: «6/II. Вся харбинская пресса отмечает банкет, устроенный канцелярией Особого Агента МИД в честь отъезжающего в Читу маньчжоугоского консула Ли Юаня... Особый Агент МИД Ши Люй-бэнь подчеркнул в своей речи, что СССР является первым государством, на территории которого открыты консульства Маньчжоу-го»²⁶. Формальный глава представительства МИД Маньчжоу-го в Харбине Ши Люйбэнь также заявлял прессе: «Имеется договоренность об открытии консульств в Хабаровске и Владивостоке. Мы можем их открыть в любой момент. Все дело лишь в недостатке подходящих кандидатур»²⁷.

Вопросы открытия консульств Маньчжоу-го на территории России были предметом обсуждений и на советско-китайских переговорах. Заместитель наркома иностранных дел Л.М. Карахан на встрече с послом Китая Янь Хуйцином в марте 1933 г. сказал: «Мы разрешили Маньчжоу-го открыть 5 консульств на нашей территории – такое же количество, какое имеется и у нас в Маньчжурии... Но Маньчжоу-го пока еще не назначило консула в Москву»²⁸. Консульская сеть Маньчжоу-го в России так и осталась ограничена представительствами в Чите и Благовещенске. В Приморье противоречия возникли в связи с желанием японцев открыть консульство Маньчжоу-го в Уссурийске, против чего резко выступил командующий Особой Краснознаменной дальневосточной армией В.К. Блюхер. Противоречия по «консульским вопросам» в русско-японских отношениях в связи с Маньчжоу-го находили самые разные проявления. Советские газеты в 1933 г. сообщали: «Агентство Кокуцу распространяет ложные сообщения о подготовке к закрытию и эвакуации советских консульств в Цицикаре и Мукдене. Тасс уполномочен сообщить, что эта информация является злостным измышлением и не соответствует действительности»²⁹. Вообще, советские средства массовой информации с 1933 г. постоянно, чуть ли не ежедневно, сообщали о проблемах отношений с Японией, в том числе о конфликтах на советско-маньчжурской границе. Но об маньчжурских консульствах в советских городах газеты старались не упоминать.

С началом нового этапа японской агрессии в Китае ситуация вокруг маньчжоугоских консульских учреждений осложнилась. В 1937 г. был введен жесткий режим ограничений и контроля за передвижением сотрудников генконсульства Маньчжоу-го в Чите. 23 июля 1939 г. было принято «Постановление политбюро ЦК ВКП(б) “об особом режиме для маньчжурских консулов в гг. Чите и Благовещенске”», в котором говорилось: «В связи с рядом непрекращающихся полицейских и белогвардейских провокаций в

Харбине в отношении советского консульства, а также на станции Маньчжурия... провести следующие мероприятия по отношению к маньчжурским консулам в гг. Чите и Благовещенске: 1) Окружить оба консульства охраной и не пропускать никого посторонних. 2) Прервать телеграфную связь между этими консульствами и Маньчжоу-Го. 3) Выключить все телефоны. 4) Не принимать никаких телеграмм на Маньчжурию от обоих консульств ввиду занятости телеграфа. 5) Каждый сотрудник консульств, включая и самих консулов, выходящие из помещения консульств, должны сопровождаться двумя агентами НКВД, которые не должны выпускать его из-под тщательного наблюдения. 6) Ограничить консульства снабжением предметами питания наполовину. 7) Прекратить выдачу бензина для консульских машин»³⁰. От сотрудников консульства перестали принимать телеграммы, аргументируя загруженностью линии, прервали телефонную связь. Специальные «глушилки» препятствовали радиосообщению между консульством и Сахалином (Хэйхэ). Связь с внешним миром консульство в Благовещенске осуществляло посредством отправки своих курьеров или других служащих в Маньчжурию поездом через Читу. Противостояние затронуло китайцев, работавших в качестве вольнонаемных в консульствах. Например, в 1937 г. советскими органами был арестован и затем расстрелян Лю Кожун, работавший кучером в консульстве Маньчжоу-го в Благовещенске. После подписания советско-японского договора весной 1941 г. режим ограничений был несколько ослаблен, но все равно оставался довольно жестким.

Во время Великой Отечественной войны консульские учреждения продолжали функционировать в Чите и Благовещенске, при этом их штатный состав был гораздо более многочислен, чем в консульских учреждениях Китайской Республики. В консульстве Маньчжоу-го в Благовещенске работало 12 человек японцев и китайцев, включая обслуживающий персонал (Чжао Дэвэй, И. Кавабэ, С. Хираки, С. Исида, Ма Сяюнь, К. Хама, С. Оога, С. Имура, К. Такахаси, Шуй Шишин, Сюй Синци)³¹. Для примера, «персонал Генерального Консульства Китайской республики в городе Благовещенске» был ограничен «и.о. Генерального Консула Ли Ши-куй... курьер Лу Фучан... дворник (разнорабочий) Чжен Чун-ян... кухарка Дян-Ши... с сыном 8 лет»³². В генконсульстве Маньчжоу-го в Чите в 1943 г. также работали 12 человек, в том числе 8 японцев. При этом «японская активность» в рамках маньчжурских консульских учреждений еще более усилилась. Читинские исследователи отмечают: «Консул Хисамацу Ичиро, сменивший в 1942 году Ку-Чун-Сана, был полковником 2-го отдела Генштаба Японии. Его настоящая фамилия Мацудайро...»³³.

Основной состав консульства в Благовещенске времен Великой Отечественной, включая самого консула (китайца), двух вице-консулов (японцев) и трех японских секретарей, прибыл в Благовещенск в 1941 г. Фактическое руководство деятельностью этого консульства осуществлял, вероятно, вице-консул подполковник Хираки Синдзо. Накануне и в начале Великой отечественной войны советские спецслужбы вели с работавшими в консульстве японскими разведчиками сложную дипломатическую игру, целью которой было убедить японские спецслужбы в прочность восточных рубежей СССР и готовности советского народа отразить возможную японскую агрессию. Ярким примером тому служит история посещения японскими сотрудниками Маньчжурского консульства в июне 1941 г. колхоза «Тихоокеанская звезда» в пригородном Ивановском районе³⁴.

Советские спецслужбы и местные органы власти чинили всяческие препятствия маньчжурским консульским работникам, совершенно справедливо считая, что представители этого государства в основном выполняют разведывательные функции в пользу Японии. Различные проявления этой политики хорошо видны из «Журнала регистрации приемов сотрудников консульства Маньчжоу-Ти-Го»: «30 июня 1943 года. На приеме присутствовали: консул Чжао Дэ-Вей и вице-консул Кавабэ. Основной вопрос приема был вопрос о задержании дипкурьеров. В последних числах июня две партии дипкурьеров по два человека из Маньчжоу-Ти-Го возвращались в СССР, но в

силу их задержки приехали в Благовещенск одновременно. В “Отпоре” 2-х курьеров по причине отсутствия мест задержали на два дня, а потом, когда были проданы билеты, посадили их в разные купе. По причине отсутствия свободных мест другие два курьера были задержаны на 6 дней в Чите, и также, как и в первом случае в поезде были посажены в разные купе. Расценивая эти факты преднамеренными действиями мешающими выполнять дипломатические функции, консул заявил протест, просил устранить их, наказать виновных и в будущем гарантировать их беспрепятственное передвижение... сегодня я выдал служебную визу Имура Сиро (шофер) отправлявшемуся с дипломатической почтой. На приеме консул усмотрел в этом очередное их притеснение, просил заменить визу служебную на дипломатическую...»³⁵; «09 сентября 1943 г. На приеме присутствовал консул Чжао Дэ-Вэй и вице-консул Кавабе... После приветствия Чжао рассказал, что он очень утомился за время поездки... Нет никаких удобств, за тобой всегда следят, даже в уборную за тобой идут. В Чите пришлось жить два дня, так как там не было билетов, а Куйбышевски пришлось ехать в жестком вагоне, так как не было мягких мест, кроме того, нигде нельзя достать кипятку (чаю)...»³⁶.

К началу разрыва между СССР и Японией на завершающем этапе Второй Мировой войны во главе консульских учреждений Маньчжоу-го были поставлены японцы. 22 июля 1945 г. исполняющий обязанности консула Маньчжоу-го в Благовещенске С. Хироватари информировал местные власти: «Имею честь сообщить Вам, что я был назначен вице-консулом Маньчжоу-Ти-Го в г. Чите и, в связи с этим, с 28 июля по инструкции правительства, вице-консул С. Цузита вступит в должность и.о. консула в г. Благовещенске»³⁷.

После разгрома Японской армии в Маньчжурии и пленения Квантунской армии, некоторые сотрудники консульских учреждений Маньчжоу-го не только оказались в СССР в качестве военнопленных, но и были осуждены за свою разведывательную деятельность во время Второй Мировой войны. Например, работавший с апреля 1941 г. по февраль 1945 г. в Благовещенске в качестве секретаря консульства кадровый разведчик, бывший сотрудник 2-го разведывательного отдела штаба Квантунской армии майор Исида Сабуро 5 сентября был пленен в Чанчуне, а в 1948 г. был предан суду военного трибунала Приволжского военного округа в Казани³⁸.

Таким образом, консульские учреждения Маньчжоу-го в Благовещенске и Чите были важными элементами всей системы советско-японско-китайских отношений в 1930-х – первой половине 1940-х гг. Появление их в 1932—1933 гг. соответствовало реалиям общей ситуации, сложившейся в международных отношениях на Дальнем Востоке после оккупации Японией Маньчжурии. Существование консульских учреждений в Благовещенске и Чите не стало препятствием для развития советско-китайского сотрудничества и даже не привело к закрытию консульств Китайской Республики в этих городах. Первым консулом Маньчжоу-го в СССР стал китаец, в прошлом представлявший на российском Дальнем Востоке интересы Китайской Республики. После продажи Советским Союзом КВЖД в 1935 г. основной задачей сотрудников маньчжурских консульств стала разведывательная деятельность в пользу Японии. Советскому руководству удалось нейтрализовать японские спецслужбы, а консульства Маньчжоу-го были успешно использованы для недопущения японской агрессии против СССР.

1. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. С. 31.

2. *Сталин и Каганович. Переписка, 1931–1936 гг.* / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: Рус. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2001. С. 113.

3. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 2010. С. 31.
4. *Сталин и Каганович*. Переписка, 1931–1936 гг. М., 2001. С. 116.
5. Там же. С. 119–120.
6. Там же. С. 208.
7. См.: *Дацышен В.Г.* Консульства Китайской Республики в Сибири в системе русско-китайских отношений. // 42-я науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2012. (Уч. зап. Отдела Китая; Вып. 7. Т. 42, ч. 3.
8. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: М., 2010. С. 83.
9. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 8.
10. Русское слово. 1932. 29 мая.
11. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3: М., 2010. С. 105.
12. Документы внешней политики СССР. М., 1969. Т. 15. С. 238.
13. *Сталин и Каганович*. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 147.
14. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 7.
15. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. М., 2010. С. 99.
16. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 57.
17. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 57 об.
18. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 57 об.
19. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 62.
20. ГАНИИО. Ф. 123а. Оп. 1. Д. 198. Л. 80.
21. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 63 об.
22. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 149.
23. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1011. Л. 136.
24. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т. 4, ч. 1. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. М., 2003. С. 230.
25. См.: *Дацышен В.Г.* «Миссия Комацубары»: Из истории советско-японско-китайских отношений в начале 1930-х гг. // Пробл. Дальнего Востока. 2012. № 3.
26. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1021. Л. 30.
27. ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1021. Л. 30.
28. Русско-китайские отношения в XX в. Т. 3. М., 2010. С. 155.
29. Красноярский рабочий. 1933. 8 июня.
30. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 25. Л. 114–115.
31. Государственный архив Амурской области (ГААО). Ф. Р-81. Оп. 11. Д. 1.
32. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 11. Д. 2.
33. URL: <http://www.diary.ru/~Samuray-08/p165290234.htm?oam>.
34. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 161. Л. 5.
35. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 189. Л. 1.
36. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 1. Д. 189. Л. 11.
37. ГААО. Ф. Р-81. Оп. 11. Д. 8. Л. 16.
38. *Литвин А.* Японские военнопленные: спецлагерь на Каме // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2002. № 3/4.